
Агафья Вебер
Неформат

Агафья Вебер
Неформат

https://litres.ru/74746218
SelfPub; 2026

Аннотация

Легко быть счастливым, когда ты понятен окружающим и послушно вписываешься в общепринятые рамки. Но что делать, если ты с рождения — чистый, стопроцентный неформат? Если твой внутренний мир слишком гордый и сложный для тихого сибирского посёлка, а внешность заставляет людей оборачиваться на улицах?

Любовь редко бывает радужной.Ни в юности, ни в более зрелом возрасте. Она не спрашивает разрешения, приходит внезапно и бьёт наотмашь по девичьей гордости. Это время, когда чувства выжигают изнутри, а преграды кажутся непреодолимыми — будь то глухая стена чужого равнодушия, мужская жестокость или шёпот за спиной.

Это история о первой серьёзной клинике сердца, о болезненных уроках взросления и о том, как тяжело даётся право быть собой. Но даже когда весь мир встаёт против тебя, а любовь ломает крылья, всё преодолимо. Потому что настоящие чувства стоят того, чтобы выпустить когти и научиться бороться за своё счастье.Ну или найти силы отпустить ее.

Содержание

Глава 1 4
Прозрачный Неформат. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Агафья Вебер
Неформат

Глава 1

Прозрачный Неформат.

Вообще, в нашем поселке на юге края слово «формат» было главным законом. Это значило — будь как все. Носи обычные русые косы, не высовывайся, одевайся на местном рынке и веди себя прилично.У меня не получилось сразу. Природа с какого-то перепугу выдала мне абсолютно белые, платиновые волосы — длинные, до пояса — и такие синие глаза, что люди на улице натурально притормаживали. В четырнадцать лет я выглядела как фарфоровая инопланетянка, которую случайно высадили посреди сибирского палисадника. Чистый, стопроцентный неформат.По паспорту я звалась гордо — Елизавета Лисовская. Дома меня вообще никто Лизкой не звал. Для мамы я была исключительно Эльжбетой или Элей, а папа, хитро прищуриваясь, звал меня Лисой — так прицепилось из-за фамилии, да и характер, он говорил, у меня был подходящий: чуть что не по-моему, сразу топорщила загривок.В нашем деревянном

доме вообще царил свой, отдельный мир. Мама, чистокровная польская пани, упрямо пыталась выковать из меня принцессу. Она была блондинкой с прозрачно-голубыми глазами, не работала, вела хозяйство и держала дом в такой стерильной, аристократической строгости, что наши деревенские соседки только затылки чесали. Меня учили держать осанку, красиво складывать салфетки и разговаривать так, словно за спиной у меня не сибирские увалистые сопки, а как минимум пригороды Кракова.Папа маме не перечил — он вообще обожал её безумно. Мой отец, Анджей Лисовский, тоже поляк по происхождению, был человеком легендарным. Бывший военный переводчик с испанского, чемпион по дзюдо и невероятный, породистый красавец — темноволосый, зеленоглазый, с военной выправкой. А ещё он был потрясающим певцом. Голос у него был до такой степени мощный, глубокий и красивый, что когда папа напевал за рулём нашей машины «Bésame mucho» на своём безупречном испанском, мы с мамой сразу открывали окна. Нам натурально казалось, что от этой бархатной звуковой волны стёкла вылетят наружу, а салон изнутри просто взорвётся. Дома я была наследницей этого шляхетского гнезда, Елизаветой. Но стоило перешагнуть порог школы, как вся домашняя магия рушилась, и я из благородной Лисовской превращалась в обычную, презираемую местными девчонками «Лизку из седьмого». В деталь школьного пейзажа. В прозрачное место.Мальчишки из седьмого класса, конечно, мой нефор-

матный прикол просекли. Вокруг меня вечно крутилась пара-тройка ухажеров. У них там была своя развлекательная программа: попинать друг друга портфелями за право донести мою сумку до дома или перегородить мне дорогу великом. Приходилось каждый раз хмуриться, делать этот дурацкий выбор, кого-то одного миловать... Но, если честно, они меня просто бесили.Потому что мне было абсолютно, глубоко плевать на весь наш седьмой «Б» и на остальные классы в придачу. У меня была своя, тайная и очень тяжелая клиника.Сашка Правук.Десятиклассник и местный бог. Высокий, гибкий, он по нашим обшарпанным коридорам не ходил — он себя нес. Знаете, как несут стакан, налитый до самых краев: аккуратно, плавно, с полным пониманием, что внутри — драгоценность, и не дай бог расплескать хоть каплю собственной красоты. Фамилия у него была под стать этой породе — хлесткая, Правук. Девчонки постарше при его появлении сразу начинали судорожно дергать заколки и поправлять юбки.А я... А я для него была просто Лизка. Мелкая, бесцветная Лизка из седьмого. Прозрачное место.На переменах я караулила его как сумасшедшая. Но стоило Сашке показаться в конце коридора, вся моя спесь куда-то испарялась. Я панически забивалась за спины подружек, сжималась в комок и смотрела на него из своего укрытия. Затаив дыхание, замирая от собственного пульса в ушах и больше всего на свете боясь только одного: что он повернет голову. Что он поймает мой бешеный, горящий взгляд и всё поймет. Это

был бы позор на весь поселок.Так и стояла. Сашка проходил мимо, лениво смеясь над шутками своих друзей, и его взгляд скользил сквозь меня, как сквозь оконное стекло. Лизка и Лизка, пошла вон, не мешайся под ногами. А внутри у этой Лизки, которая дома была гордой Лисой, дочкой сильного Анджея и утончённой пани, в этот момент переворачивалась вся её маленькая вселенная...Это случилось прямо во вторник на исходе апреля.. Народу на перемене в фойе второго этажа было — не протолкнуться. Сашка Правук как раз стоял у окна в окружении своей неизменной свиты из десятиклассников, что-то лениво рассказывая и жестикулируя. Я, как обычно, замерла чуть поодаль, делая вид, что увлечённо копаюсь в своей сумке, а сама из-под челки ловила каждое движение его плеч, каждую полуулыбку.— О, гляди, Лизка опять ворон считает! — над самым ухом раздался противный, глумливый голос Васьки из параллельного класса.Этот придурок вечно искал повод зацепить меня на глазах у пацанов. Не успела я даже обернуться, как Васька с разбегу, совершенно по-медвежьи, рванул меня за конец моей платиновой косы, словно за рычаг.От неожиданности и резкой боли в затылке я потеряла равновесие. Ноги скользнули по затоптанному школьному линолеуму, я неуклюже крутанулась на одной пятке, выронив из рук раскрытый учебник географии, и со всего маху спиной врезалась во что-то плотное и высокое.В него!В Сашку!По коридору пронёсся дружный хохот Васькиной компании, который тут же оборвался. Во-

круг нас мгновенно образовался вакуум тишины. Я замерла, боясь вздохнуть, кожей ощущая дорогой парфюм и тепло его спортивной куртки. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Вот он, мой кошмар наяву — я привлекла его внимание. Так глупо. Так позорно.Сашка даже не пошатнулся. На его породистом лице не дрогнул ни один мускул, только брови чуть удивленно поползли вверх. Он медленно опустил взгляд сверху вниз — сначала на мою дурацкую, растрепавшуюся от рывка косу, потом в мои расширенные от ужаса синие глаза.Вместо того чтобы разозлиться или хотя бы улыбнуться, или спросить в порядке ли я, он просто прищурился. Его длинные пальцы жестко, но аккуратно легли мне на плечи. Без единого лишнего движения, словно убирая с дороги мешающий стул или пустую картонную коробку, он просто отодвинул меня в сторону, к стенке.— Не мешай, кроха, — бросил он лениво, даже не потрудившись повысить голос, но в наступившей тишине этот голос прозвучал как удар хлыста. И шагнул мимо меня, легко переступив через мой валяющийся учебник, и продолжил прерванный разговор, громко пересмеиваясь со своими друзьями. Они пошли дальше по коридору, а я так и осталась стоять посреди этого шумящего потока. Стёклышко. Кроха. Прозрачное место, которое просто врезалось в бога и было отодвинуто в сторону за ненадобностью.Кое-как сгребши с пола несчастный учебник, я даже не пошла на следующий урок. В ушах до сих пор звенело это его ленивое, брошенное мимоходом «кроха». Внутри всё горело от жгу-

чего, удушливого стыда . Я в отчаянии не знала, куда себя деть, как развидеть его равнодушный взгляд, и ноги сами понесли меня прочь из душного школьного здания — туда, где меня всегда принимали любой. К дедушке на пасеку.Я бежала по посёлку, едва разбирая дорогу, пока под ногами не захрустела родная, тёплая сосновая хвоя.Мама всегда хотела, чтобы я была похожа на неё: упрямо пыталась вырастить из меня принцессу и заставить шить. Она мечтала, что я стану утончённой портнихой, буду часами перебирать кружева и тонкий шёлк. Но рученьки у меня росли совершенно не оттуда — иголки кололись, нитки путались, а от выкроек ломило зубы. Зато папенькин голос достался мне в полной мере.Это был настоящий, сильный женский голос, обладавший такой невероятной глубиной и звенящей высотой, что я панически боялась кому-либо его показывать. Мне искренне казалось, что я не пою, а оглушительно, страшно кричу, и люди вокруг от этой звуковой волны могут просто оглохнуть. Поэтому я тщательно, изо всех сил скрывала от всех свой голос, запечатав его внутри себя на сто замков.Раньше, когда я уходила по этой тайной тропинке в бор, я позволяла себе открыть этот замок. Я шла среди столетних исполинов, вскидывала голову к небу и могла петь во весь голос. Мой голос взметался прямо к самым верхушкам сосен, долетал до небес, и лес замирал, слушая этот сильный, нежный, звенящий звук. Пение возвращало мне мою свободу.Но сегодня всё было иначе. Лес стоял притихший, залитый полуденным

зноем, а я не могла вытолкнуть из себя ни одной ноты. Горло словно сдавило железным обручем. Вместо летящих к небесам звуков с моих губ со всей очевидностью срывались только судорожные, беспомощные рыдания. Я бежала, размазывая слёзы по щекам, и этот плач казался мне самым позорным звуком на свете. Вселенная внутри меня со свистом рушилась, и ни папина сила, ни мамина гордость не могли меня сейчас защитить от ледяного безразличия Сашки Правука.Впереди между деревьями наконец мелькнул тёплый бревенчатый бок дедушкиного дома. Для меня этот уголок леса всегда был абсолютно волшебным, завораживающим и не подвластным никаким земным законам. Дед построил свой домик так, что бревенчатое крыльцо нависало прямо над чистейшим лесным ручьём, впадающим в небольшое озерцо. Когда садишься на это крылечко и опускаешь ножки в прозрачную воду, крупные карпы и окуни, которые жили в этом озерце, сразу подплывали вплотную и начинали щекотать ноги — это всегда было так весело и смешно, что про все беды забывалось вмиг. А ещё на пасеке всё время мерно жужжали пчёлы, слышался переливистый говорок ручейка и стояло такое густое благоухание лесных цветов, прополиса и нагретой солнцем хвои, что с непривычки сразу клонило в сладкий, уютный сон.Сквозь слёзы я увидела дедушку. Он, как всегда, выглядел точно сказочный волшебник: длинные седые волосы перехвачены тесёмкой на лбу, борода по самый пояс, и одет в свою неизменную светлую льня-

ную рубаху и льняные штаны.Он раскладывал собранные в лесу травы под навесом ..Дедушка обожал меня безумно. Он всегда весело щурился в бороду и ласково повторял, что я у него — абсолютно сладкая девочка. Напоминал, как года в четыре я слишком сильно потянулась за янтарной струёй свежего мёда, потеряла равновесие и с головой, вместе со своей младенческой косой, нырнула прямо внутрь огромного бака медогонки. Дедушка тогда вовремя увидел: из бака вовсю болтались только мои испачканные в меду ножки.Но сегодня мне было не до смеха. Я стояла перед ним, размазывая слёзы по щекам, содрогаясь от глухих, горьких рыданий, и вся моя напускная школьная гордость осыпалась к ногам, как сухая лаванда. Услышав мои всхлипы, дед медленно обернулся.Я шагнула к нему, и он бережно, совсем по-отцовски, прижал меня к своей холщовой рубахе. Его большая, сухая ладонь мягко погладила мою растрёпанную платиновую косу. От этого простого жеста, от привычного запаха дымка, воска и махорки, удушливый ком в горле стал понемногу таять.Запинаясь, шумно всхлипывая и размазывая по щекам новые слёзы, я выложила деду всё. И про Ваську , который дёрнул за косу, и про то, как закружилась голова, и про позорное падение на Сашкину куртку... Но самое главное — я выдавила из себя это ледяное, ленивое Сашкино: «Не мешай, кроха. Путаешься тут под ногами». Рассказала, как он отодвинул меня, словно вещь, и пошёл дальше, даже не обернувшись.— Ну-ну, полно тебе, Лиса, — негромко гу-

дел дед, увлекая меня за собой вглубь пасеки. — Пойдём-ка в хату. Будем твои стёклышки склеивать.Внутри маленького бревенчатого домика царил прохладный полумрак. Дед усадил меня на скрипучую деревянную лавку у окна, а сам зашуршал банками и пучками сушёных трав, свисавшими с потолка. Уже через пять минут передо мной стояла большая кружка, от которой поднимался густой, одуряюще пахнущий пар — дед заварил свой фирменный чай из чабреца, зверобоя и смородинового листа. А следом на стол с глухим стуком опустилась увесистая глиняная чашка, до краёв наполненная золотистым, прозрачным маем — свежим, тягучим мёдом.— На-ка вот, испей, — дед пододвинул ко мне кружку. Я обхватила горячие бока кружки пальцами. Сделала один глоток, другой — сладкое тепло мягко разлилось по груди, усмиряя бешеный пульс в ушах. И плотину прорвало. Дед слушал молча. Он сидел напротив, подперев кулаком бороду, и только его цепкие глаза сердито поблёскивали в темноте домика. Когда я наконец замолчала, допивая остатки остывающего травяного чая, дед тяжело поднялся.— Понятно всё с твоим богом поселковым, — глухо промолвил он, качнув головой. — Надутый пузырь твой Правук, а не бог. Да только тебе сейчас не о нём думать надо. Умаялась ты, девка, аж лица на тебе нет.Он подошёл к сундуку, достал старый, но чистый шерстяной плед и кивнул на дверь: — А ну марш на крыльцо. Май-то нынче жаркий выдался, на солнце припекает, а на веранде в тёночке — в самый раз,

свежо. Ложись-ка ты, Лиса, поспи. Утро вечера мудренее, а уж полдень — и подавно.Я послушно вышла на широкое деревянное крыльцо омшаника. Здесь, в тени навеса, действительно приятно тянуло прохладным ветерком из соснового бора. Под крыльцом слышался тихий плеск воды. Дед бросил на широкую кушетку матрас, набитый душистым сеном, помог мне устроиться и укрыл пледом. Глаза слипались сами собой — выплеснутые слёзы и дедовский чай подействовали лучше любого снотворного. Последнее, что я помнила перед тем, как провалиться в глубокий, безмятежный сон — это ровный, басовитый гул пчёл за границей крыльца.Убедившись, что внучка крепко спит и дыхание её выровнялось, дед Михей аккуратно прикрыл за собой дверь веранды. Лицо его тут же посерьёзнело, а губы сжались в тонкую линию. Он снял рабочий фартук, пригладил бороду и зашагал в сторону посёлка.Дед решил, что Лисовским пора узнать, как их «шляхетскую принцессу» ломают в местной школе. И разговор этот с Анджеем и мамой Эли обещал быть очень непростым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.